

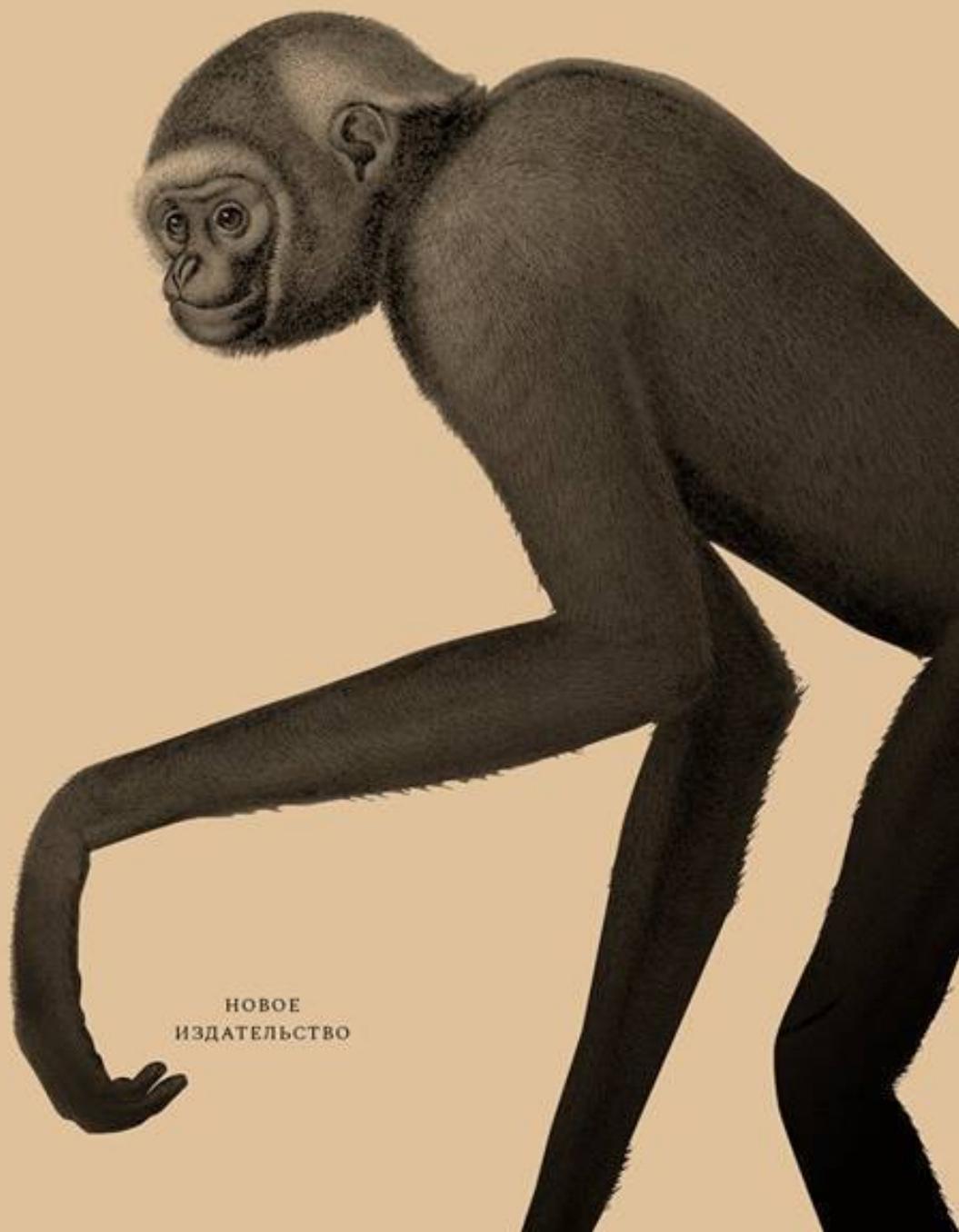
ВСЕВОЛОД ЗЕЛЬЧЕНКО

СТИХОТВОРЕНИЕ
ВЛАДИСЛАВА ХОДАСЕВИЧА

«ОБЕЗЬЯНА»

КОММЕНТАРИЙ

НОВОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Новые материалы и исследования
по истории русской культуры

Всеволод Зельченко

**Стихотворение
Владислава Ходасевича
«Обезьяна»: Комментарий**

«Новое издательство»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Зельченко В. В.

Стихотворение Владислава Ходасевича «Обезьяна»: Комментарий
/ В. В. Зельченко — «Новое издательство», 2019 — (Новые
материалы и исследования по истории русской культуры)

ISBN 978-5-98379-236-4

Исследуя газетные метеосводки лета 1914 года, античные легенды о Дарии III и историю пятистопного ямба, Всеволод Зельченко показывает, как в одном из самых знаменитых русских стихотворений XX века преломляются баснословное прошлое, быт, литература и политика настоящего – и предчувствие будущего.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-98379-236-4

© Зельченко В. В., 2019
© Новое издательство, 2019

Содержание

Предисловие	6
Обезьяна	8
Справка	10
1. Серб с обезьяной	12
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Всеволод Зельченко

Стихотворение Владислава Ходасевича «Обезьяна»: Комментарий

© Новое издательство, 2019

* * *

Ars poetica

Мой бедный мальчик, сядь к столу и слушай. Вот – просто баловство словами. Звуки – льются так легко, достаю их из «мешка», как фокусник ловит червонцы из воздуха; как ночью – мотыльков (Dziady – A, rapie motyli). Ты – о важном, большом, а выйдет малое, я – о малом – а откроется большое. Ты о крас«ивом» – выйдет некрасиво». Я об уродце так, что – ах! [Как же это? Ну, уж не знаю. Надо много страдать – (во имя слова) (под знаком слова) – И еще... и еще... Надо жить не только здесь. Когда все станет словом... Главное во мне – не гражд«анин», не труж«еник», не любовник – никто. Главное – поэт.]¹

---

¹ Черновой набросок Ходасевича 1920 года (РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 22 об.); круглые и квадратные скобки принадлежат автору. О фокуснике ср. автокомментарий к стихотворению «Друзья, друзья! Быть может, скоро...» (1921): «Это – конец стихотворения. Начало (3 строфы о фокуснике, берущем из воздуха монеты) – выброшено» (Собр. соч. I, 427). Цитату из «Дядов» Мицкевича («A tuś mi, rapie motyli!») см. ч. IV, ст. 1268; герой поэмы Густав, поймав кружащегося у свечи мотылька, произносит монолог о человеческих душах, которые становятся мотыльками после смерти: «А! Мотылек? Вы, сударь мой, откуда? / (Ксендзу, показывая мотылька.) Крылатый рой! На грани тьмы он где-то... / Все истины лучи они при жизни тушат, / Настанет Страшный суд – пойдут во тьму за это. / Но, ненавидя свет, должны стремиться к свету / Их осужденные, блуждающие души...» (пер. Л.Н. Мартынова).

Предисловие

Читатель этой книжки наверняка заключит, что о стихотворении Ходасевича в ней сказано и слишком много, и слишком мало. С одной стороны, ему будет предложен набор имен, текстов и фактов, чье касательство к «Обезьяне», да и само знакомство с ними Ходасевича как минимум неочевидны; с другой стороны, на важнейший вопрос, заданный Дэвидом Бетеа: «Зачеркивает ли последняя строка урок обезьяны или, наоборот, этот урок дает единственный ключ к пониманию исторических событий?»² – прямого ответа он не обнаружит (здесь мы рассчитываем, впрочем, что наша позиция, пусть и не обозначенная *expressis verbis*, будет ясна из самого хода изложения).

Для пишущего эти строки существенно различие между комментарием и интерпретацией. В интерпретациях «Обезьяны» – одного из самых знаменитых стихотворений в русской литературе – недостатка определенно не ощущается: ее центральный эпизод толковали как обращение Ходасевича к своим польским корням и к корням еврейским, как рукопожатие с Пушкиным и с врагом рода человеческого, как аллессию русско-сербского союза и как уход от послереволюционной действительности в первобытный рай зверей, как соблазн бестиальной жестокости и, наоборот, как индуистское утверждение братства всего живого. Эти и другие концепции будут, разумеется, обсуждаться ниже; однако главную свою задачу мы видели не в том, чтобы увеличить их число, а в по возможности подробном воссоздании реального и литературного контекста, в котором стихотворение Ходасевича существовало для его современников. Не проделав такой работы, интерпретатор рискует принять бытовую деталь за цитату, а общее место – за переключку с конкретным предшественником («лисица видит ср., лисицу ср. пленил») и из-за недостаточного знакомства с традицией не заметить новаторства.

Главный и едва ли не единственный инструмент для реконструкции этого контекста сто лет спустя – подбор и взвешивание параллельных мест: «филолог всегда бывает доволен, когда находит *параллелию*», как любил повторять своим итальянским слушателям прославленный немецкий эллинист Эдуард Френкель³. Нет нужды говорить, что новые возможности для поиска и обработки материала, доступные нам теперь, не подменяя и не облегчая традиционного историко-филологического анализа, позволяют комментатору предлагать решения таких вопросов, которые прежде не могли быть и поставлены.

Первая и третья главы работы были ранее напечатаны в виде статей⁴; в нынешней версии они существенно расширены.

В книге не раз встречаются ссылки на наблюдения, которыми с нами щедро поделились М.В. Безродный, А.К. Гаврилов, Аминадав Дикман, Ю.Л. Минутина-Лобанова, Б.А. Рогинский, А.Л. Соболев; всем им – наша сердечная благодарность. В наведении разного рода справок и в присылке труднодоступных статей помогли А.Ю. Балакин, Эдуард Вайсбанд, А.А. Ветушко-Калевич, В.Б. Гефтер, Е.Л. Куранда, М.А. Левченко, М.В. Пироговская, Д.В. Сичинава, А.Б. Устинов, Г.М. Утгоф и Е.П. Чебучева, в прояснении вопросов цыганской этнографии – К.А. Кожанов, в переводах с иврита – М.Ю. Брук и Хава Броха Корзакова.

---

² *Bethea D.M. Khodasevich: His Life and Art. Princeton, 1983. P. 181.*

³ «Un filologo è sempre contento quando trova una parallela». В устной итальянской речи Френкеля проскальзывали германизмы; в нашем случае смешение *eine Parallele* и *un parallelo* способствовало тому, что сентенция удержалась в памяти одного из участников его семинаров в пизанской Высшей нормальной школе (*Conte G.B. Opere ingenui: Esperienza di critica testuale. Pisa, 2013. P. 29.*)

⁴ «Сладчайшие преданья»: К источникам одного стихотворения Ходасевича // Древний мир и мы. СПб., 1997. [Вып. 1.] С. 221–226; К столетию одного рукопожатия: Действительность и литература в «Обезьяне» В.Ф. Ходасевича // Летняя школа по русской литературе. 2015. Т. 11. № 2. С. 172–195.

Е.В. Казарцев любезно согласился прочитать в рукописи пятую главу, а П.Ф. Успенский – книгу целиком. За все наши ошибки и упущения никто из них не отвечает.

Наконец, нельзя не упомянуть две филологические компании, которым эта затянувшаяся работа обязана исходным толчком: лекторов и аудиторию «Дома читателя» – ежегодных уик-эндов медленного чтения в Санкт-Петербургской классической гимназии, – а также сообщество chodasevich, возникшее в «Живом журнале» в 2006 году. Сейчас, когда история русского Livejournal по всем приметам подошла к концу, атмосфера и уровень тогдашних обсуждений вспоминаются с особенными чувствами.

Обезьяна

Была жара. Леса горели. Нудно
Тянулось время. На соседней даче
Кричал петух. Я вышел за калитку.
Там, прислонясь к забору, на скамейке
Дремал бродячий серб, худой и черный.
Серебряный тяжелый крест висел
На груди полуголой. Капли пота
По ней катились. Выше, на заборе,
Сидела обезьяна в красной юбке
И пыльные листы сирени
Жевала жадно. Кожаный ошейник,
Оттянутый назад тяжелой цепью,
Давил ей горло. Серб, меня слышав,
Очнулся, вытер пот и попросил, чтоб дал я
Воды ему. Но чуть ее пригубив, –
Не холодна ли, – блюдце на скамейку
Поставил он, и тотчас обезьяна,
Макая пальцы в воду, ухватила
Двумя руками блюдце.
Она пила, на четвереньках стоя,
Локтями опираясь на скамью.
Досок почти касался подбородок,
Над теменем лысеющим спина
Высоко выгибалась. Так, должно быть,
Стоял когда-то Дарий, припадая
К дорожной луже, в день, когда бежал он
Пред мощною фалангой Александра.
Всю воду выпив, обезьяна блюдце
Долой смахнула со скамьи, привстала
И – этот миг забуду ли когда? –
Мне черную, мозолистую руку,
Еще прохладную от влаги, протянула...
Я руки жал красавицам, поэтам,
Вождям народа – ни одна рука
Такого благородства очертаний
Не заключала! Ни одна рука
Моей руки так братски не коснулась!
И видит Бог, никто в мои глаза
Не заглянул так мудро и глубоко,
Воистину – до дна души моей.
Глубокой древности сладчайшие преданья
Тот нищий зверь мне в сердце оживил,
И в этот миг мне жизнь явилась полной,
И мнилось – хор светил и волн морских,
Ветров и сфер мне музыкой органной

Ворвался в уши, загремел, как прежде,
В иные, незапамятные дни.

И серб ушел, постукивая в бубен.
Присев ему на левое плечо,
Покачивалась мерно обезьяна,
Как на слоне индийский магараджа.
Огромное малиновое солнце,
Лишенное лучей,
В опаловом дыму висело. Изливался
Безгромный зной на чахлую пшеницу.

В тот день была объявлена война.

1919

Справка

Согласно составленному Ходасевичем списку стихов (Бахметевский архив Колумбийского университета, фонд М.М. Карповича), «Обезьяна» начата 7 июня 1918 года, окончена 20 февраля 1919 года (Собр. соч. I, 396). Черновой автограф ст. 1–15 и 52 (1): РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 26 об. – 27. Впервые напечатано (2): Рабочий мир. 1919. № 6 (апр.). С. 3. Об истории этой публикации рассказывают мемуары П.Н. Зайцева, возглавлявшего литературный отдел журнала:

По делам «Сирены» уже в 1919 году я снесся с поэтом Вл. Ходасевичем, который работал тогда в Наркомпросе у Луначарского, и предложил дать что-нибудь для нового журнала⁵. Ходасевич дал свое стихотворение «Обезьяна», в котором звучало осуждение первой империалистической войны. Перед отправкой стихотворения в Воронеж я показал его Волгину⁶. Волгину очень понравилась социальная тема стихотворения, и он мертвой хваткой вцепился в него: «Не отдадим его в „Сирену“, давайте печатать в „Рабочем мире“!» И в апрельском шестом номере стихотворение было напечатано. Ходасевич не возражал <...>⁷

При жизни автора стихотворение публиковалось еще пять раз: (3) *Ходасевич Вл.* Путем зерна: Третья книга стихов. М.: Творчество, 1920. С. 42–43; (4) То же / 2-е изд. Пг.: Мысль, 1922. С. 51–53; (5) *Ежов И.С., Шамурин Е.И.* Русская поэзия XX века: Антология русской лирики от символизма до наших дней / С введ. ст. В. Полянского. М.: Новая Москва, 1925. С. 261 (перепечатка из [4])⁸; (6) Возрождение. 1927. № 716. 19 мая (в подборке «Белые стихи», вслед за стихотворениями «Эпизод», «Полдень», «Встреча»); (7) *Ходасевич Вл.* Собрание стихов. Париж: Возрождение, 1927. С. 49–51. Единственный известный нам прижизненный перевод, на итальянский язык, появился в 1932 году⁹.

Текст воспроизводится по источнику (7). Разночтения черновика¹⁰ и ранних публикаций немногочисленны:

---

⁵ «Сирена» – «пролетарский двухнедельник», редактировавшийся в Воронеже В.И. Нарбутом; Зайцев ангажировал для него авторов в Москве. В рекламных анонсах «Сирены» среди длинного списка литераторов «с именами» упоминался и Ходасевич (Сирена. 1918. № 2/3 [30 дек.]. Кол. 93–94). Ко времени, о котором говорит Зайцев, издание «Сирены» фактически прекратилось: в феврале – начале марта 1919 года отозванный из Воронежа на Украину Нарбут хлопотал в губисполкоме о ликвидации журнала, последний номер которого, среди прочего включавший «Декларацию» имажинистов и мандельштамовское «Утро акмеизма», еще находился в печати (см. статьи О.Г. Ласунского в изд.: Сирена: Пролетарский двухнедельник. Воронеж, 1918–1919 / Науч. ред. О.Г. Ласунский. Воронеж, 2013. С. 181–184, 201). Либо Зайцев не успел узнать об этом, либо перед нами ошибка памяти мемуариста и «Обезьяна» предназначалась для более экзотического печатного органа – «Вестника Воронежского округа путей сообщения», московским агентом которого также был Зайцев. Ср. занесенный Блоком в записную книжку 6 февраля 1919 года перечень стихотворений с пометой «П. Зайцеву („Рабочий мир“ и „Воронежский вестник“»)» (*Блок А.А.* Записные книжки / Сост., подгот. текста и примеч. В.Н. Орлова. М., 1965. С. 449; *Леденева Т.А.* Воронежский «Вестник» // Вестник Воронежского гос. ун-та. Филология, журналистика. 2011. № 2. С. 188).

⁶ Редактор «Рабочего мира» Вячеслав Петрович Волгин (1879–1961) – историк-большевик, впоследствии ректор 1-го МГУ и академик.

⁷ *Зайцев П.Н.* Воспоминания / Сост. М.Л. Спивак; вступ. ст. Дж. Мальмстада, М.Л. Спивак. М., 2008. С. 333–334.

⁸ Сам Ходасевич, в июне 1922 года составляя подборку своих стихов для антологии Ежова и Шамурина (СС IV, 445–446), «Обезьяну» в нее не включил.

⁹ *Chodasevič V.* La scimmia / Trad. dal russo di R. Poggioli // *Circoli*. 1932. № 3. P. 41–43 (впоследствии неоднократно перепечатывался). Книжка журнала дошла до Ходасевича; см. его письмо Н.Н. Берберовой от 29 июля 1932 года: Минувшее. Paris, 1988. Вып. 5. С. 288 (публ. Д. Бетеа). Ренато Поджолли (1907–1963) – итальянский славист, ставший в эмиграции одним из основоположников американского сравнительного литературоведения; краткий разбор «Обезьяны» вошел в его позднейшую книгу: *Poggili R.* The Poets of Russia: 1890–1930. Cambridge (Mass.), 1960. P. 308.

¹⁰ Обильные варианты ст. 1–15, *отброшенные* в черновике, не приводятся; полную его транскрипцию см. в Приложении.

Ст. 6 (1): Тяжелый крест серебряный висел
Ст. 8 (1–5): По ней катились. Рядом, на заборе,
Ст. 15 (1): Ему штаны (*на этих словах черновик обрывается*).
Ст. 15–16 (2): Воды ему. Но чуть ее пригубив, / Не холодна ли, блюдце
на скамейку
Ст. 17 (2–6): Поставил он. И тотчас обезьяна,
Ст. 19 (2–3): Обоими руками блюдце. (4–5) Обоими руками блюдце.
После ст. 27 отбивка (2)¹¹.
Ст. 39–40 (6): Не заглянул так мудро и глубоко – / Воистину, до дна души
моей.

В принадлежавшем Н.Н. Берберовой экземпляре «Собрания стихов» 1927 года (Библиотека Байнеке Йельского университета), в котором Ходасевич снабдил каждое стихотворение пометами, под текстом «Обезьяны» приписано (Собр. соч. I, 396):

20 февраля». Начато 7 июня 1918. Все так и было, в 1914, в Томилине.
Гершензон очень бранил эти стихи, особенно Дария.

Томилино – поселок по Московско-Казанской железной дороге, в 25 верстах от Москвы, где Ходасевич с мая 1914 года жил на даче с женой и пасынком, «пишучи о Пушкине (селтаки), переводя проклятого Сенкевича и творя рецензии о стихах для „Русских Ведомостей“»¹².

«Обезьяна» входит в формально не выделенный цикл больших нерифмованных ямбических стихотворений 1918–1920 годов. В первую очередь это шесть вещей из сборника «Путем зерна» («Эпизод», «2-го ноября», «Полдень», «Встреча», «Обезьяна», «Дом»), в составе которого они – за единственным исключением – расположены подряд¹³. Порукой тому, что сам Ходасевич воспринимал их как целое, служит и позднейшая републикация четырех из них под общим заголовком «Белые стихи» (6). К ним примыкает стихотворение «Музыка» (1920), открывшее следующий сборник Ходасевича «Тяжелая лира», а также ряд неоконченных набросков и планов-конспектов из рабочих тетрадей 1918–1922 годов (БП № 382, 392; Собр. соч. I, 286; РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 19¹⁴; Ед. хр. 25. Л. 22 об.¹⁵, 24).

---

¹¹ Можно предполагать, что исчезновение этой отбивки вызвано не авторской редактурой, а типографской случайностью: в первом издании «Путем зерна» (3) ст. 27 приходится на конец страницы.

¹² Письмо Б.А. Садовскому от 18 мая 1914 года (ПС, 345; здесь и ниже все даты до 31 января 1918 года даются по старому стилю). Имеются в виду большая статья «Петербургские повести Пушкина», с которой началась пушкинистика Ходасевича, а также переводы романов Г. Сенкевича «Семья Поланецких» и «Меченосцы». В «Русских ведомостях» в мае – июле были опубликованы шесть рецензий Ходасевича и заметка о Пушкине (Собр. соч. II, 160–169, 563; ПиПЕВ I, 14–16).

¹³ «Эпизод» отделен от остальных четырьмя (в «Собрании стихов» 1927 года – тремя) стихотворениями; первое из них, «Вариация», разрабатывает тот же лирический сюжет, и его заглавие означает «вариация на тему „Эпизода“» (Богомолов Н.А. Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича [1989] // Он же. Русская литература начала XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 103). Заключительное стихотворение цикла, «Дом», появляется только во втором издании «Путем зерна» (1922).

¹⁴ Об этом прозаическом плане, опубликованном в составе работ Н.А. Богомолова и Инны Андреевой, подробнее см. в главе 4.

¹⁵ Воспроизведен выше в эпиграфе.

1. Серб с обезьяной

То же и в архиве нашей памяти. И в ней есть свои шкафы, ящики, коробки и коробочки. <...> Как в них найти те «бисеринки» эмоциональных воспоминаний, впервые мелькнувшие и навсегда исчезнувшие, как метеоры, на мгновение озаряющие и навсегда скрывающиеся? Когда они являются и вспыхивают в нас (как образ серба с обезьяной), будьте благодарны Аполлону, ниспославшему вам эти видения, но не мечтайте вернуть навсегда исчезнувшее чувство. Завтра вместо серба вам вспомнится что-то другое.

– К.С. Станиславский. Работа актера над собой

В конце двадцатых или начале тридцатых годов, читая третий том марковского собрания сочинений Бунина, поэт Дмитрий Кедрин написал на полях против последних строф стихотворения «С обезьяной» (1907): «Ходасевич отсюда взял, но у него лучше»¹⁶. И действительно, редкая из работ, посвященных «Обезьяне», обходится без сопоставления с бунинскими стихами – а то и без утверждения, что второй из этих текстов «непосредственно иницирован»¹⁷ первым.

Ай, тяжела турецкая шарманка!
Бредет худой, согнувшийся хорват
По дачам утром. В юбке обезьянка
Бежит за ним, смешно поднявши зад.

И детское и старческое что-то
В ее глазах печальных. Как цыган,
Сожжен хорват. Пыль, солнце, зной, забота.
Далеко от Одессы на Фонтан!

Ограды дач еще в живом узоре –
В тени акаций. Солнце из-за дач
Глядит в листву. В аллеях блещет море...
День будет долог, светел и горяч.

И будет сонно, сонно. Черепицы
Стеклом светиться будут. Промелькнет
Велосипед бесшумным махом птицы,
Да прогремит в немецкой фуре лед.

Ай, хорошо напиток! Есть копейка,
А вон киоск: большой стакан воды
Даст с томною улыбкою еврейка...

---

¹⁶ Реморова Н.Б. Кедрин и Ходасевич: «Статьи о русской поэзии» В. Ходасевича в чтении и восприятии Дм. Кедрина (по материалам кедринской библиотеки) // Вестник Томского университета. 1999. № 268. С. 61. Эта работа, сколько нам известно, не привлекала внимания исследователей Ходасевича; между тем среди маргиналий Кедрина есть точные и с тех пор не повторенные наблюдения, устанавливающие источник отдельных строк и словосочетаний Ходасевича у Пушкина и Баратынского.

¹⁷ Владимиров О.Н. В. Ходасевич – И. Бунин: Несколько параллелей // Проблемы литературных жанров: Материалы X Международной научной конференции, посвященной 400-летию г. Томска, 15–17 окт. 2001 г. Томск, 2002. Ч. 2. С. 72.

Но путь далек... Сады, сады, сады...

Зверок устал, – взор старичка-ребенка
Томит тоской. Хорват от жажды пьян.
Но пьет зверок: лиловая ладонка
Хватает жадно пенистый стакан.

Поднявши брови, тянет обезьяна,
А он жует засохший белый хлеб
И медленно отходит в тень платана...
Ты далеко, Загреб!¹⁸

Соответствий много: Роберт Хьюз называет их «интригующими», Эммануэль Демадр – «поразительными», а по признанию В.Е. Пугача, «количество заимствованных или переименованных деталей шокирует»¹⁹. Процитируем последний из предлагавшихся перечней, для краткости дополнив его еще одним очевидным пунктом: «Нельзя пройти мимо удивительного сюжетного сходства (многими, конечно, замеченного) с одним поэтическим текстом той же эпохи – „С обезьяной“ (1907) Ивана Бунина. <...> Балканец-музыкант с обезьяной (хорват у Бунина, серб у Ходасевича); зной; «место действия – дачи; обезьянка, пьющая воду; особенный взгляд животного, на который обращают внимание оба поэта...»²⁰ Кажется невероятным, чтобы такая экзотически-прихотливая комбинация могла возникнуть в двух независимых случаях – если, конечно, не принимать высказанную однажды со всей серьезностью гипотезу, будто один и тот же обезьянщик за семь лет докочевал из Одессы до Подмосковья, «причем шарманка его за время странствий вполне могла прийти в негодность, почему и появился вместо нее в стихотворении Ходасевича бубен»²¹.

С другой стороны, у нас есть два свидетельства, ставящих под вопрос связь бунинского стихотворения и «Обезьяны». Во-первых, Ходасевич пометил в берберовском экземпляре «Собрания стихов»: «Все так и было, в Томилине»²², а шесть годами ранее сказал

¹⁸ Сведения о прижизненных публикациях стихотворения и его оценке современниками собраны в комментариях к изд.: Буних И.А. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинятиной. СПб., 2014. Т. 2. С. 375–376.

¹⁹ Hughes R.P. Khodasevich in Venice // For SK: In Celebration of the Life and Career of Simon Karlinsky / Ed. by M.S. Flier, R.P. Hughes. Oakland (Calif.), 1994. P. 156; Demadre E. La quête mystique de Vladislav Khodasevič: Essai d'interprétation de l'œuvre du dernier symboliste russe. Villeneuve, 2000. P. 306; Пугач В.Е. Две обезьяны: «С обезьяной» Бунина и «Обезьяна» Ходасевича // Он же. На полях школьной программы. СПб., 2012. С. 43.

²⁰ Шубинский В.И. Владислав Ходасевич: Чающий и говорящий / [2-е изд.] М., 2012. С. 260. Анализ Л.А. Новикова и С.Ю. Преображенского устанавливает совпадение «не менее 22 лексических компонентов (более 20 % единиц, обладающих лексическим значением, в стихотворении И. Бунина)»; впрочем, в их число попадает, например, сопоставление бунинского «засохшего белого хлеба» с «чахлой пшеницей» у Ходасевича (Новиков Л.А., Преображенский С.Ю. Ключевые слова и идейно-эстетическая структура стиха // Язык русской поэзии XX века: Сб. науч. тр. М., 1989. С. 19–20).

²¹ Фояков И.О. Двойные звезды [1996] // Он же. Островитяне. СПб., 2005. С. 191.

²² Как отметил Н.А. Богомолов, такого же рода подписями Ходасевич сопроводил и другие белые стихи из «Путем зерна», настойчивым повторением «был... была... было...» утверждая их автобиографическую основу (Богомолов Н.А. История одного замысла [1989] // Он же. Русская литература начала XX века. С. 569). Ср. об «Эпизоде»: «Со мной это случилось в конце 1917, днем или утром, в кабинете» (в тексте – «в одно из утр пятнадцатого года»); о «2-го ноября»: «2 ноября ходил к Гершензону. Столяр – незнакомый, но был»; о «Встрече»: «Англичанка, впрочем, была в 1911 г., как и все прочее» (Собр. соч. I, 392–393, 395). В плане-оглавлении неосуществленного собрания стихов, намеченного в 1921 году, «Обезьяна» открывает раздел, озаглавленный «Почти дневник» (в него входят «Слезы Рахили», «2-го ноября», «Газетчик», «Дом», «Старуха» и «Музыка»; впрочем, «2-го ноября» и «Старуха» попали также в раздел «Москва»: Собр. соч. I, 404–405). Попутно отметим, что в рабочей тетради Ходасевича засвидетельствован замысел дневникового цикла, относящийся к началу 1920 года: в столбик перечислены дни недели, под четвергом приписано «Старуха», а под воскресеньем – «Дрова», т. е. будущая «Музыка». Этот набросок не оставляет сомнений, что зачеркнутый заголовок в черновике «Музыки», начинающемся на следующей странице, должен читаться не как «Воск» (БП, 384; СС I, 511; Собр. соч. I, 406), а как недописанное «Воск<ресенье>» (РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 9–10; ср. ст. 2 «Музыки»: «Еще воскресная по телу бродит лень»).

то же своей случайной порховской собеседнице, будущему краеведу Галине Проскуряковой, которую разыскал и расспросил в конце восьмидесятых М.В. Безродный²³. Впрочем, это «все так и было»²⁴ не раз служило филологам поводом, чтобы продемонстрировать лукавство писательских отсылок к реальности: кто не знает, что стихи делаются из стихов! «И хотя Ходасевич уверял, что описал все, как было на даче в Томилино в 1914 году, – резюмируют Г.Г. Амелин и В.Я. Мордерер, – мы знаем цену истинным приключениям, происходящим с поэтами на даче. Один в Томилино встречается Обезьяну, другой на Акуловой горе близ ст. Пушкино – Солнце. Сугубую литературность происходящего разоблачает бунинское стихотворение „С обезьяной“ <...>. Ходасевич лукавил, речь шла не о действительном событии, а о бунинском сюжете»²⁵. И.Я. Померанцев, процитировав статью Ходасевича «О поэзии Бунина» (1929; СС II, 187) – «Не разделяя принципов бунинской поэзии (напрасно стал бы я притворяться, что их разделяю: мое притворство было бы тотчас и наиболее наглядно опровергнуто хотя бы моими собственными писаниями)...», – мягко уличает ее автора: «Отчего же опровергнуто? Обезьяны не спрячешь»²⁶.

Во-вторых, Омри Ронен, познакомившись в 1968 году в Нью-Йорке с Н.Н. Берберовой, спросил ее о стихотворении Бунина: «оказалось, <...> что ни она, ни (по всей вероятности) он» его не знали²⁷. Это свидетельство, однако, при желании нетрудно отвести как *wishful thinking*: ко времени написания «Обезьяны» Ходасевич и Берберова еще не были знакомы²⁸.

Поскольку родство двух стихотворений кажется установленным (в виду дальнейшего отметим, однако, скепсис Ирины Антанасиевич²⁹ и М.В. Безродного³⁰, а также рассчитанно-осторожные формулировки А.К. Жолковского, А.А. Макушинского и тандема соавторов Л.А. Новиков – С.Ю. Преображенский³¹), интерпретаторы обсуждают различие деталей, охотно прибегая к словам вроде «заменял» или «превратил»: дело представляется так, будто

²³ Ходасевич В.Ф. Поездка в Порхов / [Подгот. текста и коммент. М.В. Безродного] // Литературное обозрение. 1989. № 11. С. 112. Примеч. 29. В опубликованных воспоминаниях Г.В. Проскуряковой упомянуто чтение Ходасевичем «Обезьяны» в порховской библиотеке, но разговор о биографической подоплеке этих стихов не отражен: Проскурякова Г.В. Вольшовская старина. СПб., 2008. С. 168–169.

²⁴ По поводу стихотворения Бунина нечто подобное тоже было произнесено: «Сколько раз до сих пор я видел (там же, в Одессе. – В.З.) обыкновенного уличного шарманщика, но только теперь, взглянув на него глазами Бунина, понял, что и шарманщик поэзия, и его обезьянка поэзия...» (Катаев В.П. Трава забвенья [1967] // Он же. Собр. соч.: В 9 т. М., 1972. Т. 9. С. 272).

²⁵ Амелин Г.Г., Мордерер В.Я. «Пушкин-обезьяна» // Они же. Миры и столкновения Осипа Мандельштама. М., 2000. С. 231–232.

²⁶ Померанцев И.Я. Югославянская рапсодия [1996] // Он же. По шкале Бофорга. СПб., 1997 (= Urbi: Лит. альманах. Вып. 10). С. 89.

²⁷ Ронен О. Берберова [2001] // Он же. Из города Энн. СПб., 2005. С. 55.

²⁸ Владимирцов О.Н. «Базар в Афинах» Ю. Мориц в контексте русской поэзии: Опыт интерпретации стихотворения // Проблемы литературного образования: Материалы IX всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы филологического образования: наука – вуз – школа». Екатеринбург, 2003. Ч. 3. С. 183.

²⁹ Антанасиевич И. Об одном мотиве в русской литературе начала XX века, или Обезьяны гримасы интертекстуального анализа // Славистика. 2003. Т. 7. С. 227 («Вряд ли есть основания говорить о интертекстуальном диалоге, поскольку сходство между двумя стихотворениями чисто внешнее»); ср., однако, ниже примеч. 17.

³⁰ m-bezrodnyj.livejournal.com/273749.html («Но пятистопный ямб, конечно, не раритет, и запечатленные ситуации тоже достаточно типичны, чтобы не заводить непременно разговор о влиянии»); см. ниже примеч. 26. После того как наша позиция была изложена в «Живом журнале», с ней солидаризировалась Сара Дикинсон (Dickinson S. “La scimmia” di Vladislav Chodasevič come commento sulla Grande Guerra // L'indicibile: Grande Guerra e letteratura / A cura di M. Bürger-Koftis, D. Finco. Genova, 2015 [= Quaderni di Palazzo Serra. Vol. 28]. P. 165).

³¹ Жолковский А.К. Две обезьяны, бочки злата... // Звезда. 2001. № 10. С. 204 («В любом случае, эпизод сходен, а разработка глубоко различна»); Макушинский А.А. «Обезьяна», или Отчасти о том же [2008] // Он же. У пирамиды: Эссе, статьи, фрагменты. М., 2011. С. 36 («даже если <...> где-то в памяти, или полузабвении, это <...> стихотворение Бунина у него, когда он писал свои стихи, и присутствовало...»; но ср. след. примеч.); Новиков Л.А., Преображенский С.Ю. Указ. соч. С. 18–19 («видимо, „Обезьяна“, написанная позже, не может рассматриваться как аллюзия»; «хотя денотативный план двух этих текстов удивительным образом совпадает, это абсолютно разные стихотворения, имеющие разное концептуальное содержание и формирующие разный эстетический смысл»).

Ходасевич написал свою «Обезьяну» поверх бунинской. Почему он сделал хорвата сербом? Потому что стихотворение завершается строкой «В тот день была объявлена война», а значит, «Сараево <...> начинает просвечивать сквозь дачную идиллическую кулису, Гаврила Принцип снова стреляет в несчастного эрцгерцога, несчастную эрцгерцогиню»³² (другой ответ: потому что Ходасевич – католик³³). Почему пририсовал бунинскому обезьянщику крест на груди? Потому что это «важный для русского „сербского текста“ символ»³⁴. Почему дал ему бубен вместо шарманки? «Чтобы замаскировать очевидный плагиат»³⁵.

Между тем возражений остается немало. Обилие и разительный характер переключек вроде бы должны указывать на такое положение вещей, когда Ходасевич не просто полусознательно использовал чужой мотив, но выстроил концептуальную параллель – побуждая своих читателей вспомнить о бунинском прообразе и разглядывать «Обезьяну» сквозь его призму. Но что это дает младшему стихотворению? Предлагавшиеся ответы на этот вопрос представляются, правду сказать, натянутыми: так, по Г.Г. Амелину и В.Я. Мордерер, за обеими обезьянами скрывается Пушкин, которого традиционалисты Бунин и Ходасевич демонстративным жестом возвращают на пароход современности (в этом случае точным конспектом стихотворения Ходасевича окажется незабвенное «*Душа моя играет, душа моя поет, / Мне братеник Пушкин руку подает*»)³⁶. По В.Е. Пугачу, Ходасевич намеренно противопоставляет банально-описательной трактовке предшественника свою, экзистенциальную («Бунин не услышал, что хотела сообщить ему обезьяна. Пришлось ей дожидаться более понятливого Ходасевича»), а по О.Н. Владимирову, наоборот, «Ходасевича привлек провиденциализм Бунина, катастрофичность его мировоззрения». Искусственно выстраивается картина многолетнего «творческого спора» Ходасевича с Буниным-поэтом, кульминацией которого выступает «Обезьяна», а предшествующим свидетельством – шуточное стихотворение 1913 года «*На даче*» («... Отчего же, в самом деле, / Вянет никлая листва? / <...> Оттого, что бродит в парке / С книгой Бунина студент»)³⁷, не подходящее на роль ни полемиического манифеста, ни даже полноценной пародии³⁸.

Кроме того, большинство комментаторов упускают из виду, что у Бунина есть еще одна обезьяна – и ведет ее уже не хорват с шарманкой, а, в точности как у Ходасевича, серб с буб-

³² Макушинский А.А. Указ. соч. С. 37; ср. также: «Ходасевичу принципиально важно, чтобы хорват стал сербом <...> – этого требует разрабатываемая им бинарная оппозиция – победа-поражение...» (Антанасиевич И. Указ. соч. С. 228).

³³ Баранов С.В. В.Ф. Ходасевич и литература модернизма // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы международной научной конференции (Волгоград, 24–27 апр. 2005 г.). Волгоград, 2005. С. 682.

³⁴ Мароши В.В. «Сербский» и «кавказский» тексты русской литературы: Мотивы, тропы и архетипичность персонажей // Критика и семиотика. 2012. Вып. 16. С. 305.

³⁵ Из цикла миниатюр хорватской писательницы Дубравки Угрешич «Балканский блюз», который мы цитируем в переводе с английского: *Ugrešić D. Balkan Blues / Transl. by C. Hawkesworth // Balkan Blues: Writing Out of Yugoslavia / Ed. by J. Labon. Evanston, 1995. P. 30–31.* А.К. Жолковский в силу мельчайшей, но показательной аберрации даже наделяет серба из «Обезьяны» шарманкой – по образцу бунинского героя («шарманочный мотив, <...> восходящий к Бунину»): *Жолковский А.К. Розыгрыш? Хохма? Задача?: О «Первом стихотворении» Набокова [2001, 2006] // Он же. Очные ставки с властителем: Статьи о русской литературе. М., 2011. С. 416.*

³⁶ Отметим, что эта концепция была предсказана в эссе Майи Каганской «Седьмая повесть Белкина» (1987; соответствующий раздел написан от лица Ходасевича): «В чаду коптилок и подгоравших валенок никто не понял и „Обезьяны“. А ведь я трижды вписал в текст его (пушкинский. – В.З.) образ! <...> Пушкин, а не на пятилетие запоздавший репортаж с начала войны, разъясняет появление в стихе худого и черного серба, раскачивающего на плече обезьяну. <...> Да неужто не найдется среди них ни одного филолога, который вспомнит, что тщедушные свои пародии на Пушкина Полевой подписал „Обезьянин“? что разозленный Пущин в письме к Маюшкину обозвал друга „обезьяной африканской“?» (Каганская М.Л. Апология жанра / Сост., подгот. текста и примеч. С.М. Шаргородского. М., 2014. С. 82).

³⁷ Баранов С.В. Указ. соч. С. 682.

³⁸ Отношение «доэмигрантского» Ходасевича к поэзии Бунина было, судя по всему, безразличным. В рецензии на седьмой сборник «Знания» (1906), где напечатаны семь бунинских стихотворений из восточного цикла, он выделяет «Детей солнца» Горького и сетует на то, что «рядом рассказы Скитальца, Кипена, стихи Бунина и пр. – ничего не значащие, ничего не говорящие страницы скучных стихов и дряблой прозы» (Собр. соч. II, 31). Одиннадцать лет спустя оценка не изменилась (см. след. примеч.); ее объяснению и пересмотру уделено немало места в позднейшей статье «О поэзии Бунина» (1929; СС II, 181–188), где различима столь нехарактерная для Ходасевича-критика оправдывающаяся интонация.

ном («Чаша жизни», 1913; в лапидарной рецензии на второе издание одноименного сборника Ходасевич особо выделил заглавный рассказ³⁹):

Песчаная улица была не избалована зрелищами. Однажды, когда появился на ней серб с бубном и обезьяной, несметное количество народа высыпало за калитки. У серба было сизое рябое лицо, синеватые белки диких глаз, серебряная серьга в ухе, пестрый платочек на тонкой шее, рваное пальто с чужого плеча и женские башмаки на худых ногах, те ужасные башмаки, что даже в Стрелецке валяются на пустырях. Стуча в бубен, он тоскливо-страстно пел то, что поют все они спокон веку, – о родине. Он, думая о ней, далекой, знойной, рассказывал Стрелецку, что есть где-то серые каменистые горы,

Синее море, белый пароход...

А спутница его, обезьяна, была довольно велика и страшна: старик и вместе с тем младенец, зверь с человеческими печальными глазами, глубоко запавшими под вогнутым лобиком, под высоко поднятыми облезлыми бровями. Только до половины прикрывала ее шерсть, густая, остистая, похожая на енотовую накидку. А ниже все было голо, и потому носила обезьяна ситцевые в розовых полосках подштанники, из которых смешно торчали маленькие черные ножки и тугой голый хвост. Она, тоже думая что-то свое, чуждое Стрелецку, привычно скакала, подкидывала зад под песни, под удары в бубен, а сама все хватала с тротуара камешки, пристально, морщась, разглядывала их, быстро нюхала и отшвыривала прочь.

Впрочем, инерция движения из пункта Б. в пункт Х. оказывается настолько сильной, что исследователи, обращающие внимание на это место, все равно предпочитают говорить о двойном источнике Ходасевича, который для чего-то перемешал в своем тигле бунинские стихи с его же прозой⁴⁰. К сходным выводам приводят и спорадические находки других балканцев с обезьянами в русской литературе: и О. Ронен, обнаруживший их в очерке Белого «Сфинкс», и М.В. Безродный, указавший на стихотворение того же Белого «Из окна» (цитаты см. ниже), склонны трактовать эти параллели как литературные⁴¹. Но нельзя ли найти им иное объяснение?

³⁹ Приведем эту рецензию целиком, тем более что из-за своей краткости она не была включена в Собр. соч.: «Говорить об отдельных книгах Ив. Бунина, конечно, уже поздно. Нужно говорить обо всем его творчестве. Но и по поводу второго издания „Чаша жизни“ хочется лишний раз отметить прекрасный язык этого писателя, его благородную сдержанность, его строгость к себе, так выгодно выделяющую его из среды современных беллетристов. Это – вообще. В частности нужно отметить тот рассказ, по имени которого названа книга, и мастерской рассказ „Святые“. Стихи гораздо слабее рассказов» (Русские ведомости. 1917. № 214. 20 сент.; подп.: Х).

⁴⁰ Саськова Т.В. «Чаша жизни» И.А. Бунина в контексте мировой культуры. М., 1997. С. 41; то же: Саськова Т.В. Серб с бубном и обезьяной: Об одном мотиве в «Чаше жизни» // Российский литературоведческий журнал. 1999. № 12. С. 72 («Скорее всего, на поэте сказались впечатления от бунинского произведения – или произведений, имея в виду и рассказ, и стихотворение...»); чуть ниже, однако, автор будет говорить – на наш взгляд, совершенно оправданно – о «типичной, судя по всему, фигуре серба с бубном и маленькой обезьянкой»; Владимиров О.Н. В. Ходасевич – И. Бунин. С. 73 («Последний стих „В тот день была объявлена война“ отсылает <...> к Стрелецку – месту действия в „Чаше жизни“»); Мароши В.В. Указ. соч. С. 305 («Текст Ходасевича явно отсылает не только к бунинскому поэтическому претексту, <...> но и к рассказу писателя „Чаша жизни“»).

⁴¹ Ронен О. Межтекстовые связи, подтекст и комментирование // Русская филология: Сб. науч. работ молодых филологов. Вып. 13. Tartu, 2002. С. 27–29 («вряд ли без этого отрывка из Белого возможно понять противоречивый смысл стихотворения Ходасевича»); m-bezrodnyj.livejournal.com/273749.html («не приходится сомневаться, что Ходасевич читал, и внимательно читал, „Золото в лазури“»). Эта запись в блоге М.В. Безродного от 3 февраля 2009 года (ср. также продолжение: m-bezrodnyj.livejournal.com/274546.html) и дискуссия, развернувшаяся в комментариях к ней, послужили исходным толчком для наших разысканий.

* * *

Если для А.Ф. Кони, вспоминающего о петербургских балаганах 1850–1860-х годов, уличные развлечения еще представлены «главным образом итальянцами-шарманщиками или савоярами с обезьянкой и маленьким органчиком»⁴², то после турецкой войны (1877–1878) роль водителей обезьян по русским дворам и дачам переходит от уроженцев Апеннин и Альп, будь то настоящих или маскарадных, к угнетенным балканским единоверцам. Эту связь хорошо документирует рассказ И.С. Шмелева «Солдат Кузьма (Из детских воспоминаний приятеля)» (1915):

Турки... Они мне кажутся не людьми даже. Они все кого-то режут и жгут. Как разбойники. Их-то вот умирять и идут наши солдаты. Скоро я хорошо узнаю, что делают эти ужасные турки. Как-то пришли к нам во двор два черномазых парня. Они были в веревочных туфлях, в синих широких штанах, завязанных у ступни, и в кофтах с большими железными пуговицами; волосы у них были черные и густые, как шапки, а глаза – с большими белками навывкате. Парни мычали, разевали рты и тыкали в них грязными пальцами. У них не было языков. Они были оттуда, где турки, и назывались болгарами. И потом все чаще и чаще стали заходить эти болгары, сербы и еще другие, с маленькими ребятками, выглядывавшими из каких-то мешков. Они плакали и протягивали руки. Приходили и с обезьянками. Было жалко и обезьянок, точно и их мучили турки⁴³.

Самые ранние из отысканных свидетельств – в фельетонах Чехова «Письмо к ученому соседу» (1880: «Если бы мы происходили от обезьян, то нас теперь водили бы по городу Цыганы на показ и мы платили бы деньги за показ друг друга, танцуя по приказу Цыгана...») и «К характеристике народов» (1884–1885: «Греки <...> продают губки, золотых рыбок, сантуринское вино и греческое мыло, не имеющие же торговых прав водят обезьян или занимаются преподаванием древних языков»)⁴⁴. Вскоре их число умножается; и если бунинский хорват,

⁴² Кони А.Ф. Петербург: Воспоминания старожила [1921] // Он же. Собр. соч.: В 8 т. / Подгот. и сост. коммент. А.Д. Алексеев и др. М., 1969. Т. 7. С. 62. Д.В. Григорович, выделяя в классическом очерке «Петербургские шарманщики» (1844) три национальных типа – итальянцы, немцы и русские, – называет ученых обезьян «исключительной принадлежностью» первых (Физиология Петербурга / Изд. подгот. В.И. Кулешов. М., 1991. С. 58). Этому, однако, противоречат свидетельства современников; ср. хотя бы некрасовского «Говоруна» (1843): «Шарманщик с обезьяною / Танцует *надеде*. / <...> Действительно, Германия – / Ученая страна!» или поговорку из словаря Даля: «*Хитер немец – обезьяну выдумал*, говорит народ о заезжих гаерах с обезьянами». О савоярах-обезьянщиках см.: Толбин В.В. Петербургские савояры: Уличный тип // Пантеон. 1853. № 11. Паг. 4-я. С. 37–58. Итальянцы и савояры с обезьянками, узнаваемые по характерным костюмам и тирольским шляпам – частые модели русской жанровой живописи 1840–1860-х годов: см., в частности, наброски П.А. Федотова (1846–1847; Русский музей), «Шарманщикова» А.Ф. Чернышева (1852) и В.Г. Перова (1863; Третьяковская галерея). В искусствоведческой литературе, посвященной парижскому «Савояру» того же Перова (1863; там же), подчас упоминается сурок (Пчелов Е.В. Символы и образы сна и бодрствования в русской культуре Нового времени: Визуальный аспект (некоторые заметки) // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 5. М., 2008. С. 248–249), чего нельзя одобрить: зверек на цепочке, прижавшийся к плечу спящего мальчика и видимый зрителю со спины, – без сомнения, обезьянка.

⁴³ Шмелев И.С. Рваный барин: Рассказы. Очерки. Сказки / Сост. и авт. предисл. Е.А. Осьминина. М., 2000 (= Он же. Собр. соч.: В 5 т. Т. 8, доп.). С. 229. Предположение Т.В. Саськовой, согласно которому «явление серба с обезьянкой стало вполне заурядным» со времен Елизаветы, разрешившей сербам селиться на юге России (Саськова Т.В. Указ. соч. С. 31), источниками не подтверждается.

⁴⁴ Вероятнее всего, Чехов имеет здесь в виду таганрогские реалии. К тому же десятилетие относятся мемуары весьегонского агронома П.А. Сиверцева («Летом бывали и румыно-сербы с шарманкою, а однажды зимою были (1885), играли на катке»; см.: Голованов В.Я. К развалинам Чевенгура. М., 2013. С. 149) и анекдотический рассказ из записок И.А. Белоусова (1927) о «случае, бывшем в 80-х годах» – купцы, проезжая в Благовещенье мимо птичьего рынка на Трубной площади, захотели исполнить обычай, но так как рынок был еще пуст из-за раннего часа, купили у подвернувшегося «мальчика-болгарина» обезьянку и выпустили ее (Белоусов И.А. Ушедшая Москва: Воспоминания. М., 2002. С. 80).

кажется, уникален (как можно предположить, это характерный для Бунина демонстративный реализм, отказ от ожидаемого штампа в пользу точного всматривания), то греки⁴⁵, румыны⁴⁶, а в первую очередь – болгары и сербы с обезьянами упоминаются современниками десятки раз⁴⁷. Здесь нужно иметь в виду, что как минимум в ряде случаев речь, строго говоря, идет о цыганах из Южной и Восточной Европы: встречаются контексты, в которых слово *сербиянин* явно подразумевает цыгана⁴⁸, у одной из групп цыган-котляров бытует самоназвание *сербияя*, а у части цыган-урсаров, живущих на территории Болгарии, Румынии, Молдовы и стран бывшей Югославии – *majmunari*, т. е. обезьянщики⁴⁹.

Видно, что выбор той или иной народности, особенно в проходных упоминаниях, едва ли не случаен, и неизменна лишь ассоциация с Балканами⁵⁰. Так, нередко перечисляются несколько возможных национальностей обезьянщика через запятую: «И голос болгара иль серба / Гортанный протяжно рыдает... / И слышится: „Шум на Марица...“ / Сбежались. А сверху девица / С деньгою бумажку бросает. / Утешены очень ребята / Прыжками цепной обезьянки...» (Белый, «Из окна», 1903)⁵¹; «Когда-то, много лет назад, в подмосковной дачной местности ходил не то перс, не то болгарин, не то черномазый орловец под болгарина, с несчастной, дрожащей обезьянкой в руках. Обезьянка кувыркалась и прыгала, а „перс“ подергивал ее за веревочку и гнусным голосом подпевал...»⁵²; «Приходил цыган, иногда смуглый серб с обезьянкой, крутил ручку хриплой, как от простуды, шарманки...»⁵³; «румыно-сербы с шарманкою» (П.А. Сиверцев, цит. выше в примеч. 29). Показателен пассаж из авантюрно-шпионского романа Н.Н. Брешко-Брешковского (1916), демонстрирующий шовинистические предрассудки героя: «Болгары, черногорцы, сербы и даже румыны и греки были в его представлении каким-то человеческим „винегретом“, грязным и диким, с той лишь разницей, что одни – гешефтмахеры и плуты, другие – играют на скрипках в белых фантастиче-

⁴⁵ Ср., например: «Окруженный босоногими мальчишками и девчонками, печальный грек, уныло припевая, дергал за цепочку обезьянку в красной юбке. Обезьянка кувыркалась, помаргивая скорбными человеческими глазами» (Григорьев С.Т. Сомбреро [1924] // Он же. Собр. соч.: В 4 т. М., 1959. Т. 1. С. 40).

⁴⁶ «Румын с обезьянкой» (в исполнении Леонида Барбэ) – эпизодическое действующее лицо несохранившегося фильма «В погоне за счастьем» (1927; сценарист К. Полоник, режиссер М.С. Терещенко), поставленного по повести М.М. Коцюбинского «Дорогой ценой» (1901); в самой повести такого персонажа нет (Советские художественные фильмы: Аннотированный каталог. М., 1961. Т. 1: Немые фильмы: 1918–1932. С. 182).

⁴⁷ Единичные указания на обезьянщиков иных национальностей – например, айсоров (Шкловский В.Б. Сентиментальное путешествие. СПб., 2008. С. 281) или китайцев (на Дальнем Востоке: Фраерман Р.И. Золотой василек. М., 1963. С. 20) – оставляем без внимания.

⁴⁸ Ср., например, прическу «Подайте цыганке-молдаванке, православной сербиянке» или пассаж из мемуаров П.И. Якира (время действия куда более позднее – 1937 год, но нас сейчас интересует лексика): «Я возвратился в парк. Там ко мне пристали сербиянки – погадать; в присутствии моих друзей гадалка сказала: „Родителя своего ты больше никогда не увидишь...“» (Антология самиздата: Неподцензурная литература в СССР: 1950–1980-е / Под общ. ред. В.В. Игрунова. М., 2005. Т. 2. С. 175).

⁴⁹ Marushiakova E., Popov V. Gipsies (Roma) in Bulgaria. Frankfurt a. Main, 1997. P. 76, 103, 109–110; Деметер Н.Г., Бессонов Н.В., Кутенков В.К. История цыган: Новый взгляд. Воронеж, 2000. С. 83, 106, 139 и др. Согласно Н.В. Бессонову, дрессированные обезьяны наряду с привычными медведями появились у балканских цыган в конце XIX века (Там же. С. 139). В русской литературе водители обезьян определяются как цыгане не менее часто, чем как болгары или сербы; см., например: «Каждый стоял перед ним, держа за руку куклу, как цыган держит свою обезьянку в синей юбке» (Ю.К. Олеша, «Три толстяка», 1924; гл. 7).

⁵⁰ Полушутливая попытка Аркадия Аверченко навести в этом вопросе порядок («До русской революции <...> мадьяры ходили по дворам, продавая мышеловки, итальянцы продавали коралловые ожерелья и брошки из лавы, болгары специально демонстрировали по улицам дрессированную обезьяну, а грек исключительно торговал губками. Каждая национальность имела свою профессию, и никакой путаницы не было. Если бы вы каким-нибудь чудом увидели грека с обезьяной, то – одно из двух: или грек был не настоящий, или обезьяна поддельная» [Аверченко А.Т. Константинопольские греки [1923] // Он же. Собр. соч.: В 6 т. / Сост., подгот. текста, коммент. Ст. Никоненко. М., 2000. Т. 6. С. 126]) опровергается контрпримерами, начиная с уже приведенного чеховского.

⁵¹ В качестве параллели к «Обезьяне» Ходасевича отмечено М.В. Безродным (см. выше примеч. 26).

⁵² Иванов-Разумник. Перед грозой: 1916–1917. Пг., 1923. С. 24.

⁵³ Левин И.М. Передел. Мюнхен, 1967. С. 9 (роман написан в 1939–1945 годах, время действия – первые годы XX века).

ских костюмах, третьи – водят ученых обезьян, а четвертые – режут в своих горах албанцев и турок»⁵⁴.

Фатальный характер отождествления «человек с обезьяной = балканец» иллюстрирует газетная заметка времен шпиономании, охватившей русскую провинцию в первое лето войны с Японией:

На днях, как нам передавали, на станции Везенберг железнодорожный жандарм встретил бродячего шарманщика и его сотоварища с ручной обезьянкой, одетых в болгарские костюмы. Жандарму субъекты показались подозрительными, и он пригласил их в станционную контору, где те предъявили паспорта на имя болгарских подданных; тем не менее у них был произведен обыск, причем внутри шарманки найдены план местности и дорог между Нарвой и Везенбергом, разные инструменты для съемки планов, шагомер и т. п. Видя, что обман их обнаружен, мнимые болгары сознались, что они – переодетые японцы, причем шарманщик назвал себя полковником генерального штаба, а товарища – своим денщиком. Арестованные, как мы слышали, отправлены в Петербург⁵⁵.

Более того, в некоторых контекстах слова *серб* и *болгарин*, примененные к обезьянщику походя, без каких-либо описаний, выглядят уже прямо обозначением профессии, а не национальности (как *татарин* в смысле ‘старьевщик’; много ранее то же произошло с *савояром*). Таков, например, рассказ Тэффи «Точки зрения» (1934), где персонаж прогуливает по Парижу опостылевшую любовницу: «А ведь не зайди за ней в воскресенье, таких истерик наделает, что за неделю не расхлебаешь. <...> Ну вот и води ее, как серб обезьяну»; ср.: «как болгарина с обезьяной – пускают во двор ради обезьяны» (Аверченко, «Подходцев и двое других», 1917; ч. II, гл. 15)⁵⁶.

Репертуар бродячих обезьянок был по большей части каноничен и, как правило, ограничивался хрестоматийной триадой «баба с коромыслом – пьяный мужик – барыня» (то же представляли и ученые медведи)⁵⁷: «Помнишь, на второй день пасхи, когда к нам пришел болгарин с обезьянкой и с органчиком и привел за собой целую толпу зевак, помнишь? <...> Я стояла в окне и смотрела на представление. Могу тебе рассказать, что делала обезьянка, все по порядку. Сначала она показывала, как барыня под зонтиком гуляет, потом – как баба за водой ходит, потом – как пьяный мужик под забором валяется...»⁵⁸; «С наступлением тепла появлялись на окраинах болгары с обезьянами. Они и летом были в полушубках и высоких бараньих шапках. Каждый носил маленькую шарманку, иногда только бубен, и тащил за собой чахлую обезьянку. Обезьянка под звуки шарманки или бубна давала представления. „А ну покажи, как баба воду носит“. На плечики обезьянки укладывалась палочка, та обхватывала ее лапками и ходила по кругу, как будто несла коромысло с ведрами. „А теперь покажи, как пьяный мужик

⁵⁴ Брешко-Брешковский Н.Н. Ремесло сатаны. М., 1995. С. 83.

⁵⁵ Нарвский листок. 1904. № 46. 12 июня. Три номера спустя, когда новость уже перепечатали в столицах, газета ожидаемо сообщила, «что случая задержания на станции Везенберг <...> двух шарманщиков, которые оказались японцами, с какими-то планами, никогда не было» (№ 49. 23 июня).

⁵⁶ Этот последний пассаж отмечен И. Антанасиевич (*Антанасиевич И.* Указ. соч. С. 229).

⁵⁷ Объяснение этому сходству находим в труде современного этнографа крымских цыган: «После определенной выучки медведей цыгане выступали с ними как бродячие артисты. Иногда у заезжих торговцев крымцам удавалось купить или выменять обезьянку и, выдрессировав ее, также начать выступления на публике. Диковинная для многих крымчан, но уже дрессированная обезьянка цыганами воспринималась как привычная медведица и называлась тем же цыганским словом *ричхини*» (*Торопов В.Г.* История и фольклор крымских цыган. М., 2004. С. 25). Ср. выше о балканских и румынских цыганах-урсарах (т. е. медведчиках) и маймунарах (обезьянщиках).

⁵⁸ *Федин К.А.* Первые радости [1945] // Он же. Собр. соч.: В 12 т. М., 1983. Т. 5. С. 161; место и время действия – Саратов, 1910.

валяется“. Обезьянка идет пошатываясь, потом валится набок и делает вид, что засыпает»⁵⁹; контаминация: «И теперь еще у прохожих болгар обезьяна подражает пьяной бабе и ходит за водой. И никто не видит ужаса. <...> Довольно мы учили зверей быть людьми, так что и перестали разбирать, где звери, где люди. <...> А что если в этом приближении к нам зверя сказалось не пленение его нами, а тайное наше пленение им?»⁶⁰ Встречаются, впрочем, и патриотические интерпретации тех же нехитрых движений: «Покажи, как дамой важной / Можешь ты ходить, / Как ружьем солдат отважный / Будет турку бить...»⁶¹

Именовань таких обезьянок, как и ученых медведиц, принято было Марь Иваннами («Как сморщенный зверек в тибетском храме: / Почешется – и в цинковую ванну, – / Изобрази еще нам, Марь Иванна» [Мандельштам, «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...», 1931]⁶²; «Марьей Ивановной называлась обезьяна, самка, из породы павианов. <...> Подарили мне ее мои друзья...» [Куприн, «Марья Ивановна», 1913]⁶³; «Иногда шарманщик появлялся с обезьянкой на цепочке, одетой в курточку или платье и обученной показывать простейшие трюки, вроде „Как Марья Ивановна за водой идет“»⁶⁴; «Иногда к нам заходил Петрушка или цыган с <...> обезьянкой Марьей Ивановной»⁶⁵ и многие другие), а самцов – Макарами Ивановичами («Имя было дано Макару Ивановичу [игрушке. – В.З.] по имени тех обезьянок, с которыми в годы нашего детства ходили по дворам черномазые люди. Этих мартышек почему-то часто звали так») ⁶⁶. Музыкальная составляющая действия также не балует разнообразием: песня «Шумит Марица...», первый гимн освобожденной Болгарии⁶⁷, равно упоминается в сти-

⁵⁹ Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: Записки очевидцев / 2-е изд., доп.; сост. Е.И. Воинойной; послесл., коммент. А.В. Степанова. Л., 1999. С. 151 (отмечено В.Г. Беспрозванным: vadbes.livejournal.com/2081.html, запись от 6 июня 2006 года).

⁶⁰ Белый А. Сфинкс // Весы. 1905. № 9/10. С. 28–29; отмечено О. Роненом как «важнейший подтекст» стихотворения Ходасевича (см. выше примеч. 26).

⁶¹ Гиляровская Н.В. Стихи. М., 1912. С. 52 (из стихотворения «Мальчик черненький, кудрявый...»; указано пользователем ggordeeva в комментариях к уже упоминавшейся записи в блоге М.В. Безродного: m-bezrodnyj.livejournal.com/273749.html). Другим средством напомнить публике о турецком иге служили карикатурные шаровары и фески, в которые балканцы рядили своих обезьянок (см.: Ривови Н.Я. Время и вещи: Очерки по истории материальной культуры в России начала XX в. М., 1990. С. 168).

⁶² Согласно устному разъяснению Н.Я. Мандельштам, «так называли ручных обезьянок уличных гадателей» (*Мандельштам О.Э.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2009. Т. 1. С. 603; коммент. А.Г. Меца). История толкования этой строки сопряжена с целым рядом недоразумений, рассеять которые помогает реальный комментарий: таковы гипотезы о том, что «Изобрази еще нам, Марь Иванна...» означает «Дай-ка еще выпить» (маргиналия И.М. Семенко; опубли.: Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования / Отв. ред. О.Г. Ласунский. Воронеж, 1990. С. 103), о намеке на имя и отчество Цветаевой (Сидни Монас; отсылки и критику см.: Полякова С.В. Осип Мандельштам [1992] // Она же. «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. СПб., 1997. С. 168), о происхождении мандельштамовской «Марь Ивановны» от именования «молодых женщин – подручных уголовников» или даже от героини фильма «Кукла с миллионами» Маруси Ивановой (*Мачерет Е.* О некоторых источниках «буддийской Москвы» Осипа Мандельштама // Acta Slavica Iaponica. 2007. Vol. 24. P. 183–184). Наконец, слова Н.Я. Мандельштам об «уличных гадателях» также породили существенное искажение смысла: интерпретаторы исходят из того, что Марь Иванна – она же современность, «пеньковая эпоха» – достает из кассы билетки со «счастьем» (*Амелин Г.Г., Мордерер В.Я.* Указ. соч. С. 235 сл.; *Сошкин Е.П.* Гипограмматика: Книга о Мандельштаме. М., 2015. С. 344). Действительно, обезьянки шарманщиков нередко исполняли также и эту роль; однако, как показывает собранный нами материал, вполне идиоматический приказ обезьянщика «Изобрази еще...» (= «Покажи, как...») призывает зверька не вытягивать жребий, но представить, на потеху публике, очередную бабу с коромыслом.

⁶³ Приведенные параллели позволяют уточнить воспоминания дочери Куприна, писавшей об этой обезьянке: «Он назвал ее так, чтобы досадить какой-то неприятной ему даме, которая, рассердившись, перестала посещать наш дом, и таким образом цель была достигнута» (*Куприна К.А.* Куприн – мой отец / 2-е изд. М., 1979. С. 60).

⁶⁴ Гуревич А.Я. Москва в начале XX века: Заметки современника. [Б. м.] 2010. С. 118 (электронное изд.: imwerden.de/publ-2339.html).

⁶⁵ Алексеев А.А. Забвение или сожаление: Воспоминания петербургского кадета / Публ. В.Г. Непевого // Киноведческие записки. 2001. № 55. С. 295 (время действия – 1908–1914 годы).

⁶⁶ Гершензон-Чегодаева Н.М. Первые шаги жизненного пути. М., 2000. С. 50.

⁶⁷ Ср. свидетельство 1887 года: «В Петербурге шатается множество бродячих музыкантов. <...> Братья-славяне напевают „Шуми Марица“, савояры играют на вольнке, итальянцы заводят шарманку...» (*Бахтияров А.А.* Брюхо Петербурга / Вступ. ст. и коммент. Ф.М. Лурье. СПб., 1994. С. 201).

хотворении Белого «Из окна» и в позднейшем (опубл. 1962) мемуарном фрагменте знакомца Ходасевича В.Г. Лидина («Во двор нашего дома <...> приходил серб с шарманкой через плечо и печальной обезьянкой, в красных шароварах и цветной распашонке из ситца. <...> Серб, грустный, с беловатыми оспинами на смуглом лице, крутил ручку шарманки, уныло тянувшей „Шум на Марице...“, а обезьянка с близко поставленными, серьезными глазами, словно знающая заранее свою судьбу, сидела на шарманке, ее тонкие ручки с пепельными ладонями высывались из полурукавов распашонки»)⁶⁸. Незамысловатый речитатив обезьянщика с бубном запечатлен в повести Вен. Корчемного «Лунная соната» («Обезьянка прыгала в пыли и вытворяла какие-то в высшей степени неопределенные гримасы, а цыганенок бил рукой в бубны и гнусаво выводил: „Покажи, как стара баба / Ходит на базар. / Ах ты, бэреза, / Русска молодец!“»)⁶⁹, и он же различим в макабрическом стихотворении поэта Голубчика-Гостова (ближе не известен), на которое указал А.Л. Соболев в блоге М.В. Безродного:

---

⁶⁸ *Лидин В.Г.* Друзья мои – книги: Заметки книголюба. М., 1966. С. 198. Лидин, впрочем, скорее всего, помнил о стихотворении Белого: на это указывает одинаково измененная первая строка болгарской песни в обоих текстах.

⁶⁹ *Корчемный Вен.* Рассказы. СПб., 1907. С. 65. Ср. еще: «Бубен загрохотал отчетливее, с тоненьким посвистом бубенцов. „Танцуй, Машка! Танцуй харашо“. Черненький глазастый заморыш в лохмотьях потрясал бубном и подергивал толстую цепочку. В грязи у его ног, держась за цепь темной ручкой, попрыгивала обезьянка в красной юбке. „Пакажи, как старый бабушка на базар ходыт...“ Обезьянка скорчилась, втянула голову в плечи, согнулась и заковывляла по грязи» (*Богров Ф.К.* Сосуд диавольский // Русская мысль. 1917. № 1. С. 133–134).

Мартышка, мартышка.

Го-го.

Молдаванин с обезьяной.

Го-го.

Девки, парни, мальчуганы.

Го-го.

Покажи, как ходит пьяный.

Го-го.

Мартышка, мартышка.

Го-го.

Ходит пьяный, как умора.

Вниз по палке; просьбы, ласки.

Го-го.

Мартышка, мартышка.

Го-го.

Бубен такт ей отбивает.

Го-го.

Пенье бубен дополняет.

Го-го.

Сиплый голос умоляет:

Го-го.

Мартышка, мартышка.

Го-го.

Покажи, как мужик ходит.

Го-го.

Покажи, как пьяный ходит.

Го-го.

Ходит медленно, не скоро.

Го-го.

Спать ложится под забором.

Го-го.

Мартышка, мартышка.

Го-го.

В красной шапочке татарской.

Го-го.

Вверх по палке без опаски.

Го-го.

Го-го.

Мартышка, мартышка.

Го-го.

Покажи, как баба косит.

Го-го.

Покажи, как ведра носит.

Го-го.

Мартышка, мартышка.

Го-го.

Девки семечки щелкают.

Го-го.

В парней шелухой бросают.

Го-го.

Мартышка, мартышка.

Го-го¹.

---

¹ *Голубчик-Гостов*. Темы: II-я кн. стихов. Л., [1924]. С. 26–27; см.: m-bezrodnyj.livejournal.com/274546.html.

Как видим, бубен в руках обезьянщика не менее привычен, чем шарманка, и даже полу-голая грудь персонажа Ходасевича предстает типичной деталью: «...Он, <...> протянув руку и сделав плачущее лицо, закивал головой, склоненной набок, как это делают черномазые грязные восточные мальчишки, которые шляются по всей России в длинных старых солдатских шинелях, с обнаженной, бронзового цвета грудью, держа за пазухой кашляющую, облезлую обезьянку <...> – Сербиян, барина-а-а, – жалобно простонал в нос актер. – Подари что-нибудь, барина-а-а» (Куприн, «Яма», 1915; ч. I, гл. 11)⁷⁰. Наряд обезьяны, в черновике обрисованный Ходасевичем более пристально («Ржаво-золотая / Тесьма бежала по краям пунцовой, / Но

---

⁷⁰ К сожалению, мы не могли отыскать репродукцию картины украинского художника Т.А. Сафонова «Болгарин с обезьяной» (1912).

грязной юбки»), находит точную параллель в новелле Л.И. Ануфриевой (1914), о которой еще будет речь впереди: «Ах эта красная юбочка с золотым позументом и грязью мокрой улицы! Зачем эта шутовская юбочка!»⁷¹ В воспоминаниях учителя-словесника В.В. Литвинова (место и время действия – Минск 1900-х годов) обезьяне, приведенной мальчиком-болгарином, также выносят попить, и она также опрокидывает чашку⁷²; наконец, отмечавшийся комментаторами сюжетный микропараллелизм у Бунина и Ходасевича – в обоих случаях обезьянщик первым делом поит свою питомицу, хотя сам изнывает от жажды⁷³, – получает разъяснение в «Петербургских савоярах» В.В. Толбина: «Как в завтраке, так в уличном обеде обезьяна бывает всегда сытее своего хозяина, потому что савояр более заботится о ней, чем о себе, как будто бы не она, а он служит ей. Обезьянщик <...> лелеет и бережет свою обезьяну»⁷⁴.

Другое на первый взгляд значимое совпадение между двумя стихотворениями – место и тесно связанное с ним время действия (дача и, стало быть, лето, влекущее за собой жару и жажду) – также на поверку оказывается ходовым: «скука загородных дач» – вторая по популярности декорация для выступлений шарманщиков /обезьянщиков после дворов-колодцев. О тяге петербургских шарманщиков к дачам, «где, как известно, люди как-то добрее, самые солидные отцы семейства склоннее к невинным буколическим удовольствиям, приехавшие гулять особенно расположены тратить деньги, а главное – много детей», писал уже Григорович⁷⁵; хрестоматийное стихотворение Плещеева о старом шарманщике (очевидно, итальянце) озаглавлено «На даче» (1873). Применительно к началу XX века кое-что уже было приведено выше; ср. еще: «Средь аляповатых дач, / Где шатается шарманка...» (Мандельштам, «Теннис», 1913), «И опять визги, лязги шарманки, шарманки...» (Городецкий, «Шарманка» из цикла «Дача», 1907), «За заставой воет шарманка...» (Ахматова, материалы «Поэмы без героя», 1961) и др. Летом 1912 года петербургский журнал «Поселок» составил юмористический каталог дачных шумов, в котором шарманка играет не последнюю партию:

Первый нищий лезет прямо в дачу: «Подайте копеечку!» – 12 ч. дня.

Шарманщик явился. – 1 ч. дня.

Крики разносчиков, звуки шарманки, рев десятка граммофонов, пьяная ругань, драка, хулиганские песни и пр., и пр., и пр. – от 2 до 5 ч. дня⁷⁶.

Главу «Первое стихотворение» из обеих английских версий мемуаров Набокова⁷⁷ – где есть и балканец, и обезьяна, и шарманка, и загородная усадьба, и лето 1914 года – приходится обойти из-за неоднократно высказывавшихся подозрений в аллюзии на Ходасевича⁷⁸; цитируем поэтому воспоминания двух старых петербуржцев:

⁷¹ Ануфриева Л.И. Из бумаг писательницы // Новый журнал для всех. 1914. № 11. С. 9.

⁷² Литвинов В.В. Заглавие не придумано: Рассказы из моей жизни. Из давнего и недавнего прошлого. [М.] 1968. С. 52–54.

⁷³ Фояков И.О. Указ. соч. С. 191; Demadre E. Op. cit. P. 307. N. 264; Владимиров О.Н. В. Ходасевич – И. Бунин. С. 72; Баранов С.В. Указ. соч. С. 682.

⁷⁴ Толбин В.В. Указ. соч. С. 46.

⁷⁵ Физиология Петербурга. С. 54.

⁷⁶ Приведено в кн.: Лашин В.В. Петербург: Запахи и звуки. СПб., 2007. С. 231.

⁷⁷ Названная «First Poem» в первой журнальной публикации (1949), она стала затем (безымянной, как и все прочие) 11-й главой «Conclusive Evidence» и «Speak, Memoгу»; русские переводы: Звезда. 1996. № 11. С. 48–55 (пер. М.Э. Маликовой); Набоков В.В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 1999. Т. 5. С. 500–511 (пер. С.Б. Ильина).

⁷⁸ Амелин Г.Г., Мордерер В.Я. Указ. соч. С. 219 сл.; Жолковский А.К. Розыгрыш?.. С. 412 сл.; Маликова М.Э. Набоков: Авто-био-графия. СПб., 2002. С. 42. Ко времени написания «Conclusive Evidence» Набоков уже опубликовал перевод «Обезьяны» Ходасевича на английский (1941; см.: Набоков В.В. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. М.Э. Маликовой. СПб., 2002. С. 457–458). Ирина Ронен предполагает отсылки к «Обезьяне» также в рассказе Набокова «Благость» (1924; эпизод со старушкой-продавщицей открыток, которую солдат поит горячим кофе) и в «Пнине» (1955; гл. II, 6; Пнин утоляет жажду белки, нажав на кнопку фонтанчика с питьевой водой): Ронен И. Стихи и проза: Ходасевич в творчестве Набокова // Звезда. 2009. № 4. С. 192–193.

Когда шарманщик подходил к даче и начинал свой «концерт», то к нему спешила или сама дачница, или горничная, если это была богатая дача, и, дав ему несколько медных монет, махала рукой. Это означало: «Бери деньги и иди дальше». Так смотрели на это дело взрослые дачники. Иначе смотрели дети. Им хотелось слушать шарманку, им хотелось посмотреть обезьянку и, наконец, им хотелось, чтобы белая мышка вытащила «счастье», как тащат это «счастье» для больших тетей. Но с маленькими дачниками никто не считался. И, несмотря на слезы, шарманщика выпроваживали. Едва ли это очень сильно задевало самолюбие шарманщика. Он снимал шляпу, благодарил за деньги и продолжал свой путь дальше, радуясь тому, что при таких обстоятельствах ему удастся обойти больше дач, побольше собрать денег. А что касается самолюбия, то на самолюбие хлеба не купишь, шубу не сошьешь. Такое отношение к шарманщику было, конечно, не везде. И в дачной местности встречались люди, которые находили какую-то прелесть в шарманке, или слушали ее в соответствии со своим настроением, или просто стеснялись прогнать шарманщика, чтобы его не обидеть. К таким людям можно отнести дачников победнее, не умудренных высоким музыкальным искусством, к каким причисляли себя богатые дачники⁷⁹.

Итак, нищий балканец, просящий милостыню на летних дачах с обезьянкой и бубном либо шарманкой – фигура для 1914 года до такой степени привычная, что отсылка к бунинским стихам, судя по всему, вовсе не была нужна ни Ходасевичу (которому они одинаково не годились как для почтительного «развития», так и для полемического «ответа»), ни его аудитории: все совпадения между двумя текстами лежат на совести реальности, а не литературы. И еще один побочный вывод: встреча на томилинской улице Достоевского⁸⁰

---

⁷⁹ Пискарев П.А., Урлаб Л.Л. Милый старый Петербург: Воспоминания о быте Петербурга в начале XX века / Сост., вступ. ст. и коммент. А.М. Конечного. СПб., 2007. С. 142.

⁸⁰ Адрес в томилинских письмах Ходасевича лета 1914 года – «ул. Достоевского, дача Семиладнова»; традиция называть улицы именами писателей сохраняется в Томилине до сих пор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.